источников (водосбросами, накопителями), дает возможность перейти к отображению таких ассоциаций на картах, картируя техногенно преобразованные ландшафты. Таксономические градации такого картирования объективно обусловлены индивидуальной или групповой нагрузкой (долей) элементов в структурах тех или иных ассоциаций. Составленные по этой методике карты, показывая насыщенность техногенных ассоциаций металлами, в то же время, при известных структурах ассоциаций и сроках (продолжительности) существования точечных источников их формирования, дают возможность прогнозировать время, максимальную и минимальную насыщенность и направления движения техногенных потоков.

Предлагаемая методика является в известной мере приближением к решению важной геоэкологической задачи: оценке условий и уровней геохимической трансформации весьма специфичных, давно сформированных и развитых во многих старых районах добычи и переработки минерального сырья горно-промышленных ландшафтов. На месторождениях разнообразного минерального сырья Урала в условиях длительного и активного техногенеза созданы своеобразные и контрастно проявляющиеся гидрогеохимические системы. Неоднородность выноса и накопления химических элементов в таких системах привела в условиях Урала к их дифференцированной и во многих случаях необычайно контрастной металлоносности. Это определяет необходимость всестороннего изучения таких систем как объекта постоянного загрязнения окружающей среды в районах их проявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Перельман А. И.* Геохимия. М.: Высш. шк., 1979. 423 с.
2. *Хорн Р.* Морская химия (Структура воды и химия гидросферы). М.: Мир, 1972. 398 с.
3. *Шварцев С. Л.* Гидрогеохимия зоны гипергенеза. М.: Недра, 1978. 287 с.

Екатеринбургский горный институт

Поступила в редакцию
4.V.1990

УДК 911.3:93/99:008

© 1993 Р. Ф. ТУРОВСКИЙ

РОССИЙСКОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВА: КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Основные понятия и термины. Мир представляет совокупность (сочетание) культур. Интегрирование индивидуальных культур создает картину постепенно переходящих из одного в другое интегральных культурных пространств, отражающую таким образом континуальность пространства в целом. Интегральное культурное пространство синтезируется из разнородных географических индивидуумов (т. е. всех мест, регионов и т. п., обладающих собственным, «личным» образом). В их многообразии выявляется принадлежность к ядрам и переходным территориям.

Часть пространства, где системы связей устойчива, уплотнена, образует *поле взаимодействия*. Этнокультурные общности, образующие поле взаимодействия, представляют в своем сочетании контактный круг. Он создается на определенной территории в течение некоторого времени в связи с расширением и упрочением коммуникации при развитии мореходства.

Есть ряд причин определенной фиксации поля взаимодействия в пространстве и в сознании людей. Одна из них — природно-географическая. Когда из пространственной «туманности» оформляется созвездие культур, свою роль

играют нарушения коммуникации при наличии достаточно жестких естественных барьеров типа моря, горного хребта, пустыни и др. (или яркая и выделяющаяся на территории специфичность ландшафта). Возможны и причины культурно-идеологического толка, когда формирующееся поле взаимодействия противопоставляет себя окружающему миру.

Разделяющим фактором, усиливающим дискретность пространства, проявляющуюся через гетерогенность его частей, противостоит континуальность. Она стремится преодолеть силы ограничения и замыкания. По различным сценариям, на достаточно удаленных территориях зарождаются первоначальные ядра полей взаимодействия. С течением времени они сближаются, идет взаимообмен, рождаются новые явления. Такова идеальная модель пространственно-временного процесса, создающего картину интегральных культурных пространств.

Система глобального масштаба на картине интегральных культурных пространств обладает индивидуальными чертами сочетания культур. Их пространственные связи, несущие в себе смысловое содержание единства в многообразии и превращающиеся по краям в переходное пространство, можно назвать *культурным субконтинентом.*

Европейский культурный субконтинент. Миры, которые со временем предстали как западно- и восточно-христианский, складывались на двух различных основах различных полей взаимодействия. Западное объединяло территории ранее римских Италии, Галлии, Иберии. Оно связывается с пробуждением и дальнейшей экспансией германской племенной общности. В возникший таким образом контактный круг вошло романское население и пришедшие с севера и северо-востока германцы. В целом создается романо-германская основа европейского культурного субконтинента.

Европейский мир изначально впитал много римского, в первую очередь рационализм в мышлении и в поведении. Рим ушел от Греции в сторону большей рационалистичности и утилитарности, в своих творческих порывах рождая право вместо философии и архитектуру вместо скульптуры. Римский духовный склад, как отмечал Р. Гвардини, изначально был более реалистичен, т. е. «приземлен» [1]. Сознание с такими характерными чертами сформировалось в Европе в условиях активного взаимодействия, конкурентности, преобразовательных порывов и сохранения латинской рассудочности. Европейский менталитет все более и более отличался четкостью соотнесения целей и средств, динамичностью в изменениях интересов.

В VIII в. новосформированное поле взаимодействия благодаря усилиям Карла Великого становится имперским государственным пространством. В следующем веке оно распалось политически, но его ареал составил первичное ядро европейского субконтинента. Европейский культурный субконтинент формировался на основе поля сильного взаимодействия с напряженными связями и достаточно плотным заселением. В этом поле интегрировались германские, романские, кельтские, часть славянских и финно-угорских народов. Такого рода территорию можно условно именовать «*плотным пространством*». В его основе лежит не только высокая плотность населения, но и развитая сеть городов (со значительной автономией) и коммуникаций, их активное взаимодействие, сгущение всевозможных связей.

Уплотнение пространства в Европе было постепенным и ему способствовал ряд факторов. Первый из них — уже имевшиеся на территории бывшей Западной Римской империи ядра плотного пространства, которые в дальнейшем разрастались (Италия, современные Прованс и Андалусия). Во-вторых, относительно благоприятные природные условия способствовали росту населения и укреплению взаимодействия и не только в Средиземноморье. В-третьих, существовал уже сформированный устойчивый каркас городов. Его гетерогенность усиливали географические особенности — горные хребты и возвы-

шенности, изрезанность побережья, полуострова и острова. Это создавало и благоприятную основу для политической и культурной разнородности.

В плотном европейском пространстве ни одна сила не могла утвердиться в качестве доминирующей. Взаимное сдерживание ограничивало подобные претензии. Обретение европейцами устойчивости в пространстве можно связывать, во-первых, с наличием сложившегося во времена Римской империи каркаса из городов, во-вторых, с формированием множества разнородных государственных образований и, в-третьих, с феодализацией территории. Все это в сумме стало фактором структурирования европейской территории. Рост населения в процессе уплотнения пространства сопутствовал такому типу структуризации в условиях высокой степени освоенности и заселенности территории (ареалов обитания).

В качестве образной характеристики поля сильного взаимодействия приведем цитату из выдающегося испанского философа Х. Ортега-и-Гассета: «В действительности, когда на одном поле разыгрывается битва, на сотнях других «враги» мирно торгуют, обмениваются идеями, видами искусства... Битва гремит, так сказать, на авансцене, а позади, за занавесом, идет мирное сотрудничество, которое тесно сплетает судьбы враждующих народов. С каждым новым поколением духовная близость и сходство увеличиваются» [3].

Территориальное ядро, заключающее смысловое содержание культурно-географической Европы, можно с полным основанием назвать альпоцентрическим, так как оно состояло из земель к северу, западу и югу от Альп. Эти горы, не являясь слишком жестким барьером, препятствующим территориальному единству, стали внутренним европейским разделителем, усиливающим европейскую гетерогенность и во многом создающим европейский градиент «север — юг».

Европа динамично развивалась, ее отличала атмосфера конкуренции центров, народов, государств. При быстром заполнении пространства усиливалось напряженное поле взаимодействия. Все это стало базой для присущей европейскому пространству конкурентной интеграции. В Европе формировался круг постоянных конкурентов — соседей.

Важное значение имела историческая раздробленность, феодализация Европы. Множество соперничающих городов, конкуренция многочисленных властителей создали чрезвычайно напряженное поле взаимодействия. В плотном пространстве всякий мало-мальский значимый центр стремится чем-то отличиться: что-то необычное построить, что-то особенное производить, привлекать внимание какими-то легендами или достопримечательностями.

В плотном структурированном пространстве имеет корни еще одна характерная черта Европы — стремление к преобразованиям, то что Ф. Ницше называл «прославленная европейская способность к постоянному преобразованию» [2]. Любой процесс освоения со временем достигает точки насыщения. Когда исчерпаны видимые основания для продолжения освоения, а новые еще не возникли, у жителей плотного пространства появляется ориентация, с одной стороны, на внешнюю экспансию, а с другой — на преобразование, внедрение инноваций. Происходит своего рода облагораживание пространства, начинается его реорганизация на новых основаниях.

На ход процессов укрепления европейского поля культурного взаимодействия влиял и ряд устойчивых структур, обеспечивающих культурный обмен, расширение и уплотнение европейского пространства. Это прежде всего были монастыри и университеты.

Можно выделить три направления роста европейского культурного пространства: север, восток и юг (на западе до поры до времени сдерживала Атлантика). К северу от альпоцентрического ядра поначалу формировался особый ареал, который составляли Скандинавия и Альбион. Но отдельное культурное ядро на севере Европы было недолговечным, постепенно эти земли вовлекались в европейские связи, проходила христианизация Севера.

На востоке в европейское пространство интегрируется часть пришедших сюда славянских племен. Венгры разворачивают экспансию в стремлении заполнить весь карпатский амфитеатр и окончательно входят в европейский контактный круг. Постепенное проникновение Запада и Востока на Балканский полуостров, явившийся в силу своего сложного физико-географического строения значительным разделителем, сделало Балканы нестабильным регионом. Еще одно направление территориальных процессов в Европе — восстановление Пиренейского полуострова в качестве части европейского культурного пространства.

На определенном историческом этапе внутренняя пространственная активность Европы дала импульс для внешней экспансии. Европа открывает для себя Мировой океан, открывает, чтобы его преодолевать; постепенно ее части вовлекаются в общий порыв внешнего освоения. Активность, разрядка сил, скапливающихся на краю Евразийского континента, направляется в заморские страны. Это уже новая форма пространственной деятельности, в результате которой объектом европейской экспансии становится весь мир.

Внешнюю экспансию питает возникшая ранее европейская пространственная философия, устремленная в бесконечность. Носителем ее стала «фаустовская душа», как ее описывает О. Шпенглер, «прасимволом которой является чистое беспредельное пространство» [4], а чувство природы у которой «есть чувство бесконечного» [4].

Характер глобальной европейской экспансии в целом отражает модель поведения жителя плотного пространства. Отсюда проистекает типичный сценарий освоения — не заселение территории и сосуществование с аборигенами на основе разделения функций (сценарии типа «баланс интересов», «солидарная специализация» и т. п.,), а бескомпромиссный захват с целью постепенного вытеснения коренного населения. Интеграция если и приходит, то лишь после и не у всех, в зависимости от особенностей культуры завоевателей. Ярким примером является характер европейского завоевания Америки, коренным образом отличающийся от территориальной экспансии русской культуры в Сибири.

Российский культурный субконтинент. Российское культурное пространство характеризуется иной гаммой пространственно-временных характеристик. В восточном Средиземноморье, где издревле существовал свой контактный круг, произошла трансформация. Потеряв в результате арабской экспансии земли на юго-востоке, византийский культурный мир находит их на северо-западе, где к тому времени селятся славяне.

С IX в. начинается культурная интеграция последних в восточно-христианский мир [1]. Постепенно на значительной части Балкан формируется единое культурное пространство, где расцветает монастырская православная культура. Севернее складывается древнерусский ареал, в котором с течением времени распространяется христианство из Византии. Здесь формируется своя культурная специфика, связанная с особыми географическими условиями (отчасти ареал функционирует как периферия мира византийского).

Распространена мысль об обращенности порыва русских к поиску последнего,

[1] Разделение христианства на католическую и православную церкви было следствием, а не причиной расхождения западно- и восточно-христианского миров. Оно выразило имевшуюся географическую сегрегированность, приведшую в том числе к различным версиям христианства, различным формам его развития. Поэтому достаточно сомнительна реальность существования единого христианского мира, особенно в географическом смысле. В XIV в. византиец Димитрий Кидонис отмечал: «Считая себя монопольными в области мудрости... наши соотечественники подводили латинян под категорию варваров... Это глубокое невежество было результатом долгого разделения двух народов» [5].

конечного, в особенности той страны, где царят счастье, любовь и добро (типа Беловодья). Черты такого порыва прослеживаются в продвижении русских землепроходцев (тип отличный от конкистадора с его всеподчиняющей волей), нацеленном на достижение какого-то края, дальнего берега, имевшим характер романтического, а не рационального освоения.

Освоение пространства во многом влияет на черты российской пространственной психологии. Для российского культурного субконтинента характерна постоянная необходимость и незаконченность освоения пространства вширь и в глубь. Переход к облагораживанию уже освоенной территории случается не часто и не везде (другими словами, более значима экстенсивная модель развития). В таких условиях у людей постоянно присутствует дух первооткрывателей и освоителей.

Разворачивается движение к Волге, интегрирующее волжский ареал, сложившееся там пространство, переходное между Русью и Степью. Вместе со степняками древнерусского ареала достигает дыхание Великой Степи, неся с собой новые черты. Наступает период взаимодействия, ассимиляция степных элементов.

С ослаблением Византии и усилением Московского царства центр восточно-христианского мира постепенно перемещается на территорию, свободную от давления внешних сил. Складывается культурный российский мир, взявший на себя часть функций византийского в качестве нового ядра и символизированный образом Третьего Рима. Трансформированный субконтинент можно назвать российским. Объединение по линии православия не было в нем единственным сценарием, но сплачивающая роль Святой Руси очевидна.

Российское культурное пространство начинало формироваться как мозаичное. В нем оказалось воспринято и углублено византийское наследие в виде православной соборности (и православия вообще), сильной державной традиции. Рациональное сознание европейского типа не входит в набор византийско-российских признаков, осмысленное действие здесь носит ценностную окраску, основывается на ценности, на исторической памяти. Российскому пространству передался смысл византийского пространства, заключенный в связующей нити, выраженной объединяющей силе.

Исследуя Россию, необходимо обратить внимание на носителей ее смысла: во-первых, русский народ и культуру, во-вторых, православие. Русские черты, с одной стороны, поддерживают интеграцию, с другой — передаются остальным народам. Уже вскоре после крещения на Руси появились признаки мессианского сознания, пробудившиеся с духовным (Флорентийская уния) и политическим (захват османами Константинополя) падением Византии; Русь представляется единственной истинно христианской страной, Москва же — Третьим Римом.

Еще один интегрирующий фактор — соборность в сочетании с державностью. Расширение российского культурного пространства шло параллельно расширению государства. Соборные черты обеспечивали интеграцию как в пределах Российского государства, так и среди всех восточно-христианских народов. Другая связующая нить — византийско-российское православие, ряд черт которого уже отмечен в качестве русских черт (поскольку они запечатлелись в русском сознании), характеризуется как вера. Православие служило стержнем солидарной интеграции в российском культурном пространстве.

Русское доминирование было естественным, исторически и географически обусловленным. При формировании субконтинента русская принадлежность становилась символической для всей России, а не чисто этнической. В ходе освоения пространства, продвижения на север, юг и восток русские представляли силу, инициировавшую, двигавшую данный процесс.

Наличие большого и слабоосвоенного пространства, ориентация на его экстенсивное освоение стали тормозом для интенсивной реорганизации и

обновления пространства. Сложился особый тип крупномасштабного пространственного мышления. Русское представление о пространстве часто становится расплывчатым и скорее символическим.

Постепенно усиливается русское проникновение за Уральские горы. Российское пространство занимает Сибирь, стремится к Тихому и Северному Ледовитому океанам. Сибирь становится ярким символом российского пространства и одной из ипостасей России. В XVII в. землепроходцы положили начало интеграции Сибири в российское культурное пространство. Движение это идет от одной реки к другой: Тобольск при впадении Тобола в Иртыш, Сургут на Оби, Енисейский острог, Усть-Кутский острог на Лене, Верхоянское зимовье, Среднеколымск. При Алексее Михайловиче это уже Тихий океан (Охотск), Забайкалье и Приамурье.

При расширении российского пространства основная ориентация была не на завоевание, а на освоение в условиях *неплотного* (*разреженного*) пространства. Специфика, смысловое содержание неплотного пространства в том, что оно дает возможность носителям различных индивидуальных культур селиться, жить рядом, реже вступая в конкурентные отношения, скорее просто в соседские. Поскольку места хватает всем, все могут вносить в освоение пространства характерный вклад в соответствии с креативными способностями своей культуры. Результат — разделение функций между культурными субстратами. Можно говорить о *солидарном* сообществе, создававшемся в результате более или менее длительного историко-географического процесса [2].

Характер индивидуальности в российском пространстве также проявляется в иной в сравнении с Европой форме. В условиях солидарных отношений и в связи с потребностью в единении в неплотном пространстве вместо *атомизированной* европейской поддерживается *соборная* индивидуальность (в том числе для географических объектов).

В такого типа пространстве образуются условия для *взаимоадаптивной интеграции*. Слабость конкурентных отношений, с одной стороны, обусловливает устойчивость и относительную политическую стабильность пространственной системы. С другой стороны, она несомненно тормозит революционное внедрение новых элементов.

Углубляясь в российскую историю, можно ощутить необыкновенную способность русской культуры к диффузии, свойство проникать, внедряться, создавая теоретически самые немыслимые сочетания культур на территории. Это выраженное свойство адаптироваться к любому окружению, воспроизводить в нем свою культуру, образовывать солидарные сочетания вело русский народ по его историческим путям, проложенным в огромном пространстве, ставшем пространством российским.

Другое, родственное свойство — способность к ассимиляции элементов как в пределах культурного пространства. Различные индивидуальные культуры в российском пространстве, познавая друг друга, ассимилировали те или иные элементы, а сами нередко растворялись. Российское пространство принимало носителей культур других миров — и последние вписывались в это пространство. Русская духовность как идеальная компонента российского культурного ландшафта воспринимала и перерабатывала, переосмысливала и по-своему воплощала попавшие на русскую почву заимствования.

Для народов, которым постоянно приходилось осваивать свое пространство,

[2] Речь идет об эволюционных процессах взаимодействия этнических и региональных групп на территории, о процессах формирования стабильных, более или менее резистентных преимущественно гетерогенных территориальных систем. Различные варианты государственной политики, включавшей, разумеется, и элементы насилия, не могут быть основополагающим критерием (тем более для географа). Например, говоря о покорении Кавказа, полезно вспомнить о покорении Новгорода Иваном Великим.

для тех, кто имел длительный контакт с первозданной природой, характерно сохранение природности в культуре и вере. Народы сближаются через созвучное восприятие духа природы, сохраняя в своих религиях природные элементы. Созвучие такого рода прослеживается в российском культурном пространстве, где народы, относясь к крупным конфессиям, сохраняют в вере органически включенные языческие элементы.

Таково смысловое содержание российского культурного пространства, черты которого прослеживаются от Балтийского моря до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до Черного моря, Кавказа, тюркских и монгольских степей.

Переходные пространства — это отражение континуального характера пространства, где изменчивы коммуникация и культурное наполнение, где каждая индивидуальность может быть многоликой. Возможны два идеальных сюжета — конвергенция, когда идет заполнение перехода со стороны его образующих ядер, и дивергенция. Во втором случае переход заполняется чем-то третьим со стороны, либо оказывается безликим, или же в нем зреет новое ядро. Идея о переходном пространстве привносит мотив различения вместо разграничения, освобождает от чрезмерной дискретизации. Для различения требуется поиск сущности, ее происхождения и расположения в пространстве в виде генерирующего ядра. И далее, исходя из этого, рассматриваются варианты, формы, переходы, переливающиеся краски вместо расчерченного листа.

Целостная непрерывная картина переходных пространств представляет собой цепь переходящих друг в друга региональных систем, «сшивающих» края культурных субконтинентов: морских систем культурной циркуляции (взаимообмена), горных узловых систем, пустынно-степных и лесисто-болотистых «открытых пространств». В ней представлены балтийская региональная система, неманско-вислинско-полесское пространство, карпатский и балканский узлы, средиземноморская и черноморская региональные системы, кавказский узел, каспийская региональная система, туранское степное «открытое пространство», алтайско-саянский узел, монгольское пустынно-степное пространство, Приамурье и слабее выраженная тихоокеанская региональная система. Каждое звено цепи достойно стать предметом особого географического исследования.

В России стала видимой деформация представлений о пространстве и времени в результате тенденций к распаду российского пространства и защитной реакции на кризисный период. В таких условиях позитивным может быть осознание общероссийской реальности (в смысле историчности и пространственности).

Российское и европейское культурные пространства с их свойствами, переходное пространство между ними являются основой для социокультурных процессов. Как они будут идти, что и как может отразиться на положении в России, какие существуют вероятные модели российского объединения, российского единства в многообразии, во всем этом невозможно разобраться без культурно-географического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гвардини Р.* Конец нового времени//Вопр. философии. 1990. № 4. С. 127—163.
2. *Ницше Ф.* Веселая наука//Соч. в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 491—719.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс//Вопр. философии. 1989. № 4. С. 114—155.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. М.; Пг., 1923.
5. Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М.: Наука, 1991.

Институт географии РАН

Поступила в редакцию
29.III. 1992